

© 1991 г.

Я.И. ГИЛИНСКИЙ

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского филиала Института социологии АН СССР. В нашем журнале опубликовал статьи: «Социодинамика самоубийств» (1988, №5, в соавторстве), «Эффективен ли запрет проституции» (1988, №6), «Творчество: норма или отклонение?» (1990, №2)

Немного истории

Во все времена общество пыталось подавлять, устранять нежелательные формы человеческой жизнедеятельности и их носителей. Методы и средства определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, интересами правящей элиты. Проблемы социального «зла» всегда привлекали внимание ученых. Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи рассматривали и оценивали различные виды социальной патологии; преступность, пьянство и алкоголизм, наркотизм, проституцию, самоубийства и т.п.

В становлении социологии как науки исследование негативных явлений (Г. Тард и Э. Дюркгейм, А.Кетле и Г.Зиммель, П.Сорокин и Р.Мертон) сыграло свою роль.

В недрах социологии зародилась и сформировалась специальная (частная) социологическая теория — социология девиантного (отклоняющегося) поведения и социального контроля. Именно под таким названием функционирует один из 40 исследовательских комитетов Международной социологической ассоциации. У истоков социологии девиантного поведения стоял Э.Дюркгейм, а конституированию в качестве самостоятельного научного направления она обязана прежде всего Р. Мертону и А. Козну.

В Советском Союзе преступность, пьянство и алкоголизм, наркомания и суицид длительное время изучались преимущественно в рамках соответствующих дисциплин: криминологии, наркологии, суицидологии. Социологические же исследования начали в Ленинграде в конце 60-х — начале 70-х годов В.С.Афанасьев, А.Г.Здравомыслов, И.В.Маточкин и др. — в том числе автор этих строк. В развитии и институционализации социологии девиантного поведения большая заслуга принадлежит академику В.Н.Кудрявцеву [1]. В составе Советской социологической ассоциации (ССА) АН СССР успешно работает секция (с 1988 г.— комитет) социологии отклоняющегося поведения с одноименными секциями в ряде региональных отделений ССА. Сложились исследовательские центры в Москве и Ленинграде, Эстонии, Грузии.

Динамизм социальных процессов в период перестройки, кризисная ситуация во многих сферах общественной жизни неизбежно приводят к увеличению девиаций, проявляющихся в поведенческих формах, отклоняющихся от норм. Наряду с ростом позитивных девиаций (политическая активность населения, экономическая предприимчивость, научное и художественное творчество) усиливаются девиации негативные — насильственная и корыстная преступность, алкоголизация и наркотизация населения, подростковая деликвентность, аморальность [2]. Растет социальная незащищенность граждан. В этих условиях объективно повышается спрос (не всегда и не всеми субъектами социального управления осознаваемый) на научные исследования девиаций, их форм, структуры, динамики, взаимосвязей. Тем более, что социальная патология — чуткий барометр общественной жизни.

Уточним понятия

Специальные социологические теории исследуют отдельные социальные феномены как подсистемы конкретной общественной системы, зависимости объекта изучения от социального целого и взаимосвязи с другими социальными процессами (подсистемами).

Предметом подобных теорий могут стать социальные явления и институты в определенной сфере общественного бытия (труд, политика, быт, досуг) или же "сквозные", присущие различным сферам.

Функционально частные социологические теории служат методологией познания отдельных социальных процессов, общностей, институтов и методологической основой эмпирических исследований.

Социология девиантного поведения относится к «сквозным» теориям. Специфика ее предмета состоит в том, что круг изучаемых явлений исторически изменчив и зависит от сложившихся в данный момент в конкретном обществе социальных норм.

Однако прежде чем сформулировать суть девиантного поведения, сделаем небольшое "метафизическое" отступление.

Существование каждой системы (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов сохранения и изменения. Девиации (флуктуации в неживой природе, мутации — в живой) являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а, следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой системы. Чем выше уровень ее организации (организованности), чем система динамичнее, тем больше значат изменения как средство сохранения (по выражению И. Пригожина — «порядок через флуктуации»).

Поскольку функционирование социальных систем неразрывно связано с человеческой жизнедеятельностью (предметной коллективной сознательной деятельностью общественного человека), социальные девиации реализуются в конечном счете также путем девиантного поведения. Под девиантным (лат. *deviatio* — уклонение) поведением понимаются: 1) посту-пок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам); 2) социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам),

В первом значении девиантное поведение преимущественно предмет психологии, педагогики, психиатрии. Во втором значении — предмет социологии и социальной психологии. Разумеется, такое дисциплинарное разграничение относительно.

Исходным для понимания отклонений служит понятие нормы. В теории организации сложилось единое — для естественных и общественных наук — понимание нормы как предела, меры допустимого (в целях сохранения и изменения системы). Для физических и биологических систем — это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность объекта и не возникает препятствий для его развития. Это — естественная (адаптивная) норма, отражающая объективные закономерности сохранения и изменения системы.

Социальная норма определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм физических и биологических процессов социальные нормы складываются как результат адекватного или искаженного отражения в сознании и поступках людей объективных; закономерностей функционирования общества. Поэтому они либо соответствуют законам общественного развития, являясь «естественными», либо недостаточно адекватны им, а то и вступают в противоречие из-за искаженного — классово ограниченного, религиозного, субъективистского, мифологизированного — отражения объективных закономерностей. В таком случае аномальной становится «норма», нормальны же отклонения от нее.

Вот почему социальные отклонения могут иметь для общества различные значения. *Позитивные* служат средством прогрессивного развития системы; повышения уровня ее организованности, преодоления устаревших, консервативных или реакционных стандартов поведения. Это — социальное творчество: научное, техническое, художественное, общественно-политическое. *Негативные* — дисфункциональны, дезорганизуют систему, подрывая подчас ее основы. Это — социальная патология: преступность, алкоголизм, наркомания, проституция.

Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны

во времени и пространстве социумов. Кроме того, одновременно сосуществуют различные «нормативные субкультуры» (от научных сообществ и художественной «богемы» до сообществ наркоманов и преступников).

Процессы организации (негэнтропийные) и дезорганизации (энтропийные) необходимы. В результате эволюционного отбора неадаптивные, нефункциональные формы человеческой жизнедеятельности в конечном счете элиминируются. Сохраняющиеся же адаптивны и выполняют те или иные явные и/или латентные функции [3,4]. Вот почему иллюзорны представления о возможности административно-командными, запретительно-репрессивными мерами искоренить то или иное нежелательное социальное явление.

«Кто виноват?»

Известно — любые действия в конечном счете осуществляются ради удовлетворения потребностей. И, переходя к проблеме причин изучаемых процессов, можно предположить, что в иерархии противоречий социально-экономического развития, составляющих «причинный комплекс» девиантного поведения, наиболее значимо противоречие между относительно равномерно растущими потребностями и весьма неравными возможностями их удовлетворения, зависящими прежде всего от социальной позиции индивидов и общественных групп, их места в социальной структуре. Иначе говоря; источником девиантного поведения как социального явления служит социальное неравенство [5].

При этом необходимо иметь в виду, что, *во-первых*: одним из важнейших критериев прогрессивного развития, повышения-уровня организованности системы (общества) служит дифференциация, т.е. усложнение структуры, разнообразие элементов. Это особенно важно напомнить сегодня, когда мы, наконец, освобождаемся от догматических оков и заволаживающих стереотипов казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия, Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда — есть объективно прогрессивный процесс. Однако он вызывает и негативные последствия. Так, неодинаковое положение социальных слоев и групп в системе Общественных отношений, в социальной структуре обуславливает социальное неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворения потребностей. И не только витальных, но, что для нашего предмета особенно важно, собственно социальных: в престиже, статусе, самоутверждении и др. Это не может не порождать социальных конфликтов, протестных реакций, принимающих форму девиантного поведения.

Во-вторых, пока нас убеждали в «преодолении» социальных различий, «сближении» города и деревни, труда умственного и физического, углублялась дифференциация, принимающая патологические формы (мафиозные кланы и миллионы граждан за чертой бедности).

В-третьих. Главным в генезисе девиантного поведения является не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различий, «разрыв» в возможностях их удовлетворения для разных социальных групп. Это подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями.

На уровне индивидуального поведения наиболее общей причиной девиантности служит «социальная неустроенность» как результат несоответствия объективных свойств индивида, включая его задатки, способности, а также свойства, приобретенные в процессе социализации, требованиям занимаемой позиции в системе общественных отношений. Позиция может быть «ниже» (поэт-вахтер, философ-истопник) или «выше» (посредственность в директорском кресле) своих объективных возможностей; индивид может оказаться вне официальной струк-

туры общества (бродяга, тунеядец, бомж). Вероятно также, что хотя индивид занимает позицию в соответствии с личностными свойствами, и позиция, и свойства ниже достигнутого обществом уровня развития.

Социальная неустроенность может не осознаваться человеком, будучи же осознанной, проявляется психологически в виде неудовлетворенности. Очевидно, этим объясняется повышенная девиантность маргинальных, а также социальных групп, наиболее отчужденных от творческих видов труда, управления, духовных ценностей. Вот почему, например, по нашим данным [3, 6], в Ленинграде «коэффициент криминальной активности» (частное от деления обследуемой социальной группы среди преступников на ее долю в населении) оказался по убийствам: 1,9 — рабочие; 0,17 — служащие; 0,28 — учащиеся; по тяжким телесным повреждениям соответственно — 1,97; 0,16; 0,39; по кражам личного имущества — 1,06, 0,04; 0,66; по хулиганству — 1,97; 0,15; 0,76. Уровень самоубийств | среди рабочих в 1,4 раза выше, чем среди служащих. Высока криминальная, алко-гольная активность неработающих и неучащихся (аутсайдеры), а также уровень преступности и наркотизма у молодежи и несовершеннолетних (маргиналы по определению).

О взаимосвязях

Имея общий генезис, различные формы девиантного поведения определенным образом взаимосвязаны.

Отметим, *во-первых*, относительно устойчивый характер взаимосвязей. Так, издавна и в различных государствах проявлялась устойчивая, нередко обратная корреляционная зависимость между насильственной и корыстной преступностью, алкоголизацией и наркотизацией населения, убийствами и самоубийствами, женской преступностью и проституцией и т.п. Весенне-летний пик самоубийств, установленный Э. Дюркгеймом на примере Франции XIX в., фиксируется и сейчас во многих странах, включая Советский Союз.

Во-вторых, взаимосвязи различных форм отклоняющегося поведения сложны, противоречивы, часто не отвечают обыденным представлениям. Нередко наблюдается индукция форм социальной патологии, когда одно негативное явление усиливает другое (алкоголизация — хулиганство и некоторые насильственные преступления, наркотизм — корыстные, бюрократизм — должностные и хозяйственные), однако эмпирически установлены и обратные связи, когда, например, рост алкоголизации сопровождается снижением уровня преступности, в обратной корреляционной зависимости находятся убийства и самоубийства. Соотносясь не как причина и следствие (представляется некорректным довольно распространенное мнение о том, что пьянство — одна из причин преступности), но как рядоположенные общественные явления с едиными социальными причинами, различные формы социальной патологии могут либо совпадать, усиливая друг друга, либо «разводиться» в обратной зависимости, подавляя одно другое («интерференция» различных форм девиантного поведения).

В-третьих, очевидна зависимость различных форм девиантного поведения от среды — экономических, социальных, демографических, культурологических и иных факторов. При этом различные социальные девиации по-разному реагируют на средовые воздействия. Известно, например, что во время войн снижается уровень самоубийств, в периоды экономических кризисов растет корыстная преступность и сокращается (абсолютно или относительно) насильственная. А экономический бум сопровождается взрывом насильственной преступности. В современном мире эскалация насилия нивелирует эту тенденцию, однако она все же проявляется в соответствующих условиях, хотя бы и в сглаженном виде.

«Что делать?»

Объективность, необходимость, функциональность девиаций (в том числе негативных) не исключают постоянства в стремлении общества бороться с негативным поведением. Самозащитная реакция обществ* столь же объективна, необходима, функциональна, как и то, против чего она направлена. Однако средства воздействия должны быть адекватны генезису и закономерностям объекта. До сих пор большинство средств социального контроля и профилактики вызваны эмоциями, догмами и иллюзиями и, пожалуй, меньше всего — реальными закономерностями процессов, которыми мы хотим управлять.

Общемировой «кризис наказания» проявился и в Советском Союзе, усугубленный варварским наследием тоталитарного государства. В общественном сознании сформировалась святая вера в запретительно-репрессивные меры как лучшее средство решения социальных проблем. Тревожен рост преступности и других негативных явлений. Много тревожнее искренняя убежденность, будто его можно «сбить» таким путем. Насилие, в том числе со стороны государства, порождает только насилие.

Сложившуюся ситуацию осознают во всем мире. В США, например, широко распространены система пробаций в пенитенциарной политике и общественные движения по оказанию помощи наркоманам, алкоголикам («Анонимные Алкоголики», «Волонтеры Америки» и др.). В скандинавских странах чаще всего применяют краткосрочное (исчисляемое неделями и месяцами) лишение преступников свободы, а также систему спасения наркоманов (анонимное лечение, обеспечение разовыми шприцами и разовыми порциями относительно слабых наркотиков, организация быта). В Японии из общего числа осужденных 95% приговариваются к Штрафу и лишь 3,5% — к заключению. В большинстве цивилизованных стран отменена смертная казнь.

Под социальным контролем в широком социологическом смысле понимается вся совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (отклоняющиеся) формы поведения с целью их элиминирования или минимизации.

Основные механизмы социального контроля: 1) *собственно контроль*, осуществляемый извне в том числе путем наказания и иных санкций; 2) *внутренний контроль*, обеспечиваемый интериализацией социальных норм и ценностей; 3) *косвенный контроль*, вызванный идентификацией с референтной законопослушной группой; 4) *«контроль»*, основанный на широкой доступности разнообразных способов достижения целей и удовлетворения потребностей, альтернативных противоправным или аморальным.

Лишь в самом общем виде можно определить стратегию социального контроля: замещение, вытеснение наиболее опасных форм социальной патологии общественно полезными и/или нейтральными направлением социальной активности в общественно одобряемом, либо нейтральном русле; легализация (как отказ от уголовного или административного преследования) «преступлений без жертв» (гомосексуализм, проституция, бродяжничество, потребление алкоголя, наркотиков); создание организаций (служб) социальной помощи; суицидологической, наркологической, геронтологической; реадaptация и ресоциализация лиц, оказавшихся вне общественных структур; либерализация и демократизация режима содержания в тюрьмах и колониях при отказе от принудительного труда и сокращении доли этого вида наказания в системе правоохранительной деятельности; безусловная отмена смертной казни.

Проблемы и перспективы

Отечественная социология девиантного поведения испытывает те же трудности, что и социология в целом: кризис общесоциологической теории, существенное отставание от мирового уровня технического и методического арсенала, низкое качество профессиональной подготовки кадров. Тем не менее реальными видятся следующие пути:

1. Дальнейшая «фундаментализация», рассмотрение объекта социологии девиантного поведения как момента Единого мирового процесса самодвижения материи [7, 8].
2. Изучение социальных девиаций в кризисные, бифуркационные периоды, переживаемые отдельными странами и человечеством в целом, когда от структуры, соотношения различных форм негативных и позитивных девиаций зависит будущее.
3. Интеграция различных концепций девиантного поведения как дополнительных при описании объекта.
4. Комплексные сравнительные и панельные региональные эмпирические исследования форм как негативно, так и позитивно отклоняющегося поведения во взаимодействии с экономическими, социальными, демографическими, культурологическими и др. процессами. Проверка ранее выдвинутых гипотез и поиски новых закономерностей.
5. Активизация социологических исследований творчества как элемента девиантного поведения.
6. Разработка — на основе выявленных закономерностей — математических моделей пространственно-временного распространения различных форм социальных девиаций и создание долгосрочных региональных прогнозов.
7. Исследование, обоснование и рекомендации предпочтительных (адекватных генезису и закономерностям девиантного поведения) форм социального контроля.
8. Социальное проектирование, в первую очередь, по программам профилактики и социальной помощи.
9. Организация в профильных исследовательских и учебных центрах подготовки специалистов по социологии девиантного поведения.
10. Расширение зарубежных контактов, включая совместные исследования и публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальные отклонения /Под ред. Кудрявцева В.Н. М.: Юрид. лит., 1984.
2. Социол. исслед. 1989. №2. С. 97, 143
3. Гилинский Я.И. Социология насильственной преступности//Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Тарту, 1989 С. 20—33 (Уч.зап. Тартуского гос. ун-та; вып.859).
4. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988.
5. Гилинский Я.И. Проблема причинности в криминологической науке // Сов государство и право. 1986. №8. С.67 - 71.
6. Гилинский Я.Я. Самоубийства как социальное явление // Проблемы борьбы с девиантным поведением. М.: ИСАИ. 1989. С. 66
7. Моисеев Н.Н. Алгоритм развития. М.: Наука, 1987.
8. Гилинский Я.И. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований// Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Тарту, 1988. С. 102 — 110. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 817).